

Маме

Мне казалось, если бы она осталась здесь
на некоторое время, ей бы не пришлось уезжать.

Мерлин Робинсон. Домашний очаг

ЗАГРУЖАЕМСЯ

Был убийца. Был ребенок. Был маркетинг, сбор пожертвований и фандрайзинг. Был хранитель списка доноров. И уничтожитель этого списка. Тот, кто стирает, сушит и даже использует для этого специальные салфетки. Вытягивает их по одной из коробочки, точно маленькие вуальки, и кидает в сушильную машину. Было устройство для сворачивания носков. Устройство для метания бомб. Дверной молоточек. Сколько человек живет в вашем доме и готовы ли вы поддержать наше дело? Не хотите ли купить цитрусовые? Вы читаете книги? Был дом с дверьми, которые нужно то открывать, то закрывать. Было принятие решений. Редактура брошюр. Проверка фактов и корректура. Было обучение на работе и лежание на работе. Было слишком поздно работать и слишком рано. И даже было самое время работать. Был ящик с печатями, пробковая доска и розовые стикеры, на которых записывали, что происходило в общем, в частности, в подробностях, Пока Тебя Не Было.

ГОРОДСКАЯ РАБОТА

У меня очень короткая карьера. Такая же короткая, как мои юбки. Задания обычно тоже невелики, да и задерживаюсь я на каждом месте ненадолго. Мои временные агентши — довольно приятные напудренные дамочки в удобной обуви. И моя трудовая судьба целиком в их ухоженных руках. Легкими уверенными движениями рук они превращают мое резюме в поток гонораров, на которые я и живу. Мы созваниваемся по понедельникам и пятницам, еженедельно фланируя между временными пристанищами. Агентши отмеряют мою жизнь, как швейцарские часы, которые передают сигналы точного времени. После того, как я докажу, что на меня можно положиться, они отправляют меня к своим лучшим клиентам. На работу личным помощником. Или помощником по работе с личными вещами. «Нет ничего более личного, — прочитала я на обертке от полезного батончика с гранолой, — чем просто выполнять свою работу». Как раз на такую работу я и бежала. И тут подвисла окончательно — как будто кто-то выключил все мои мысли и ощущения.

Мои парни называют такие вакансии Отличной Возможностью. Правда, сами-то они ходят в офис. Там у них есть прикольные кружечки, они оставляют их на ночь на рабочем столе, а те, в свою очередь, оставляют на рабочем столе отпечатки от кофе и чая. По кофейной гуще в этих кружечках я гадаю и точно знаю: каждый из моих парней просидит за своим столом до седых волос, а потом купит наконец себе место на кладбище размером примерно с этот же самый стол.

Но что заботит меня гораздо больше, так это судьба брошенных кружек. Как же должно быть грустно бедолагам, ведь им предстоит и дальше так стоять, грязными и одинокими. Меня заботит жизнь, которая зарождается внутри них. Эта плесень, плавающая, как одинокий листок белой кувшинки, в остатках давно протухшего кофе.